

Да, только раз в году, в дни празднования Дня Победы, чернобыльская земля встречает своих растерянных сынов и дочерей, эвакуированных в 1986 году по городам и весям по всей территории бывшего Союза. В этом же году этот великий праздник совпал с днями поминовения об усопших, именуемых в народе «гробами». Поэтому и такой многолюдный поток желающих посетить родные дома, кладбища, где нашли свое последнее пристанище родители, дети, родственники, близкие...

Согласно официальной справке, в чернобыльскую зону 8 и 9 мая приехало около трех тысяч бывших жителей Чернобыльского района, а неофициальной — в два раза больше. В этом можно было легко убедиться, побывав в селах зоны отчуждения, в Чернобыле, где наша творческая группа, в которую кроме меня входили также корреспонденты Александр Колот и Эдуард Кузнецов.

В Старые Шепеличи мы поспели как раз к высадке из автобусов бывших его жителей. Люди, ступив на родную землю, тут же растекались по хатам: как они там, не развалились, живы ли?.. Увы, пожары прошлых лет уничтожили значительную часть построек села, поэтому, кто в дом, а кто на пепелище... Но и время делает свое разрушающее действие: хаты под натиском ветров, дождей, снежных заносов разваливаются, подминая под себя остатки домашней утвари, — всего того, что заработано непосильным трудом, что близко сердцу и памяти.

Вот два человека — женщина в возрасте и молодой парень — набирают воду в кринице. Ведро дырявое, пока вытаскают — воды на донышке, разве что сполоснуть руки, да и та, застоявшись за восемь сиротливых лет, зеленая, неприятная. Познакомились, оказалось, мать и сын — Мария и Константин Охрименко. Мать практически ежегодно приезжает в родное село, сын — впервые после аварии (призвали в армию, а тут такое несчастье, возвращался уже не к отцовскому порогу — в село Марьяновку Макаровского района, куда эвакуировали мать). Скукают о родных местах, помнят, как здесь было здорово жить, какие замечательные богатые леса, реки, заливные луга — разве такое забывается?

О том, как им хорошо жилось в Старых Шепеличах, рассказывали буквально все, с кем довелось говорить: Ольгой, Верой и Татьяной Володьками, Галей Тимоховой, Ольгой Лузан, супругами Садовскими и многими другими. Интересовались, как им жилось на новых местах, как себя чувствуют люди. Из этих бесед стало ясно, что для многих Чернобыльская катастрофа обернулась еще страшней, чем можно было предположить. Если исходить из того, что в этом селе насчитывалось около 490 усадеб, то больше половины из них лишились своих хозяев, никто их больше никогда не навестит, не оплачет.

Часто участники ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы сравнивают ее с «войной». Так и исчисляют время: это было до «войны» или после, подразумевая 1986 год. Такой терминологией пользуются и эвакуированные, правда, считая ее — во всяком случае некоторые из них — «пострашней Вели-

кой Отечественной». «При немцах как было? — рассказывает Мария Садовская. — Сожгли хату или село, так тут же строится новый дом, новые усадьбы. А после этой «войны», после такого бедствия, где строиться? — разве что на чужбине, далеко от родных мест. Не укладывается в голову, что наши внуки не

кладбище, лежат их мать и отец — мать умерла уже после аварии, но раньше строго-настрого наставляла: похоронить только на родине. Завещание было исполнено.

Петр Петрович Гаращенко работал на Чернобыльской АЭС до аварии, до 10 мая 1986 безвысдно находился на стан-

НА РОДИНУ — В ЗОНУ

Только раз в году такие встречи

будут ходить по той земле, по которой ходили мы, их предки».

Люди, приезжающие в зону, как правило, хотят поделиться своим самым сокровенным: как им жилось, что они пережили, на что надеются, если еще окончательно не умерли их надежды на что-то хорошее в будущем. Так, заехав на кладбище в Припяти, встретили Валерия Шапаренку и Ницу Скопич. Они проведали могилку своего близкого друга, торопятся посетить еще Чистоголовку, Стечанку, где лежат родители Нины и мужа. Нина Михайловна искренне говорит: «Да, сейчас вроде бы наладался быт — живу в Киеве, — но так, как раньше жилось в Припяти, никогда не будет. Никаких надежд не осталось: я потеряла родину, хату, сразу же после аварии, не выдержав разлуки с домом и всяческих несправедливостей, умерла мать: муж и я страшно болели, в Киеве на нас никто не обращает внимания — кому мы нужны?»

9 мая заехали на кладбище в селе Залесье. Как и везде, прибираются могилки, кое-кто приступил к поминальному обеду. За одной из оградок сидят трое, просят не обходить стороной их застолья. Познакомившись, узнали печальную судьбу этих людей. Здесь, на

днем, делал все, что поручали. Отыскав семью, снова возвратился в чернобыльскую зону и проработал в ней до 1989 года. Сейчас инвалид 3-й группы, хворает.

— Мне уже 58 лет, — рассказывает Петр Петрович, — уроженец села Залесье. Материально вроде бы обеспечен, а здоровья — нет. Вот и сейчас упросил врача УНЦРМА отпустить проводить родителей... Спасибо сыну, который работает в зоне, захватил меня с собой, а сам бы вряд ли бы смог доехать. Да что там говорить, отправляюсь в магазин, ношу с собой целую аптеку.

Только в прошлом году восемь раз лежал в стационаре, с 1989 года перенес две операции, почти слепой: одним глазом совсем ничего не вижу, другой — 0,4. Больное сердце, гипертония, отказывают ноги.

Со мной лежат некоторые так называемые «ликвидаторы». К сожалению, поговорив и распросив у них, на каких участках они ликвидировали аварию, что делали, приходишь к выводу — как много у нас симулянтов, людей, получающих незаслуженно льготы, ведь они даже не были в Чернобыле! Обидно и за себя, и за своих боевых товарищей-ликвидаторов.

Долгое время, работая в зоне отчуждения, не мог зайти в родной дом: посетую во дворе, посмотрю, вспомню о былом, поплачу — и назад. Только перед выводом из зоны набрался смелости переступить через порог. Что увидел — не буду рассказывать, тяжкое зрелище. А вот сегодня снова вошел в дом, отыскал три своих фоторафии. Раньше почему-то их не замечал. Забрал с собой.

А брат и сестра Петра Петровича, Ольга Петровна и Василий Петрович, поведали, как они добирались в зону. Сначала за проезд с них собрали по 40 тысяч карбованцев, однако председатель горисполкома города Бровары, где они живут, распорядился возратить чернобыльцам деньги и доставить на родину бесплатно. Фамилия этого хорошего человека — Алексей Ищенко.

Прекрасно, когда на руководящих постах работают отзывчивые, благородные люди. К сожалению, так не везде. Например, чтобы приехать в Старые Шепеличи, с каждого — мал или стар — взяли по 75 тысяч. Интересную мысль высказала одна престарелая женщина: «Есть Закон Украины о пострадавших и ликвидаторах, там указаны льготы и компенсации, которых мы никогда не видели. Шут с ними, с льготами, но однажды, раз в году, я думаю, могли бы и отвезти бесплатно, в счет льгот, которых нет».

Но чуть раньше, до поездки в Залесье, заглянули в Чернобыль. Сколько знакомых лиц: бывших ликвидаторов, коренных жителей, у которых в прошлые годы брали интервью, новые встречи, впечатления. Опять повстречали Федора Григорьевича Ленка — о. Федора, настоятеля Свято-Ильинской православной церкви, приехавшего из Чернигова. С утра он уже провел в чернобыльском храме поминальную панахиду, собирается обратиться со словом Божиим ко всем присутствующим на импровизированном митинге на кладбище. Здесь же руководители НПО «Припять», Администрации зоны отчуждения, отдела внутренних дел, пожарной охраны... Звучат песни поэта-барда Валентина Михайлюка, народные песни в исполнении хора «Гомон». В парке Славы у подножия обелиска погибшим в годы Великой Отечественной войны легли гирлянды из хвой, цветы...

Восьмой год минул со дня возникновения аварии на Чернобыльской земле — восьмой год борьбы с невидимым врагом, восьмой год страданий человеческих, восьмой год печальной статистики — иных уж нет, а те уже далека. Говорят, время лечит, многое забывается, затуманивается. Но это — побывайте в Чернобыле в дни поминовения, сами увидите — никак не относится ко всему, чему имя — Чернобыль. И никогда не забудется, пока живы люди, которые здесь жили, работали, ликвидировали аварию. Пока будет жива память народная о страшной трагедии, продолжающейся на берегах полповодной Припяти, на окраине Украины — украинском Полесье

Виталий РОМАНОВ.

На снимке: село Кошовка в 30-километровой чернобыльской зоне.

Фото Михаила ЗАГРЕБЫ.